СТРАННИК

ИЗБРАНИЕ ТИШИНЫ

СТРАННИК

ИЗБРАНИЕ ТИШИНЫ

КАЛИФОРНИЯ

1971

ИЗБРАНИЕ ТИШИНЫ

Может быть, мне подобает сметь
И другую тишину иметь.

Но такая у меня одна
Бедная, земная тишина.

Ею ничего не объяснишь,
Это самая простая тишь.

И она всегда идет со мной,
В бедной неумелости земной.

Знаю мрак священной тишины,
Где лампады неба зажжены.

Знаю и молчание ума
Что приводит в мир Любовь сама.

Но храню я у себя одну
Бедную земную тишину.

В лирических бездомностях моих
Нет громких звуков. Зарожденный стих,
То медленной волной, то быстропенной
Течет. А я смотрю недоуменно
На эту совесть мира. Как и я
Она не звук, а шопот бытия.

ЭЛЕГИЯ СНЕГУ

Не так легко тревожить первый снег.
Идешь благоговейно и несмело
По снегу легкому, неснежный человек.
Вокруг тебя так медленно и бело
На землю падает потухший блеск
Невыразимо-сладостных пределов.

ПАМЯТЬ ЗИМНЕГО САДА

Чрез пустыню неразделенных,
Разделяющих жизни лет,
Добредает ко мне твой сонный,
Не глядящий в глаза привет.

Словно утренним первоснегом
Забелело мое окно
Той холодной и водной негой,
Позабытой уже давно.

ЖАЛОСТЬ И НЕЖНОСТЬ

Острая нежность и острая жалость
Рядом вошли в мой дом.
Жалость и нежность, нежность и жалость
Ходят всегда вдвоем.

Ни оправдать, ни понять другого
Люди не могут еще.
Только жалеют. И нежное слово
Другу кладут на плечо.

Жалость и нежность сплелись, как умели.
Нежность глядит вперед,
Жалость все делает в мире белым,
С жалостью нежность идет.

Снова стало небо стаей
Облаков и дальних звонов.
Шелестит листва простая
Бесконечности зеленой.

И душа недоуменно,
В этом воздухе не тая,
Белой бабочкой нетленной
Над большим цветком взлетает.

СТАНСЫ ДОЖДЮ

Какая честь оказана тебе —
Свободой от несуществованья
Отмечен ты. И выше нет призванья,
Быть равным человеческой судьбе.

Пролей себя на добрые поля,
Найди опять судьбу свою большую,
Ведь небо плачет, тихо негодуя,
Что так еще суха твоя земля.

РУССКИЙ АПРЕЛЬ

Птенец трехдневный выпал из гнезда.
Вокруг него весна и новоселье,
Хорошее апрельское веселье,
Веселая весенняя езда.

Птенец апрельский, горестно дрожащий,
Не видящий весны, он так похож
На бабушку мою, все та же дрожь
И тот же взор в бессмертье уходящий.

МЕРТВЫЕ

Мы мертвых скидываем со счетов,
Как будто мертвые еще не жили,
Они, как будто нас не сторожили,
Не видели всех наших дней и снов.

Но мертвые средь нас давно живут,
Необозримо это поле мертвых,
Века любви земной на них простерты
И нас они зовут на Божий Суд.

ДАЛЬНЯЯ УЛИЦА

Тени пьют коктейли в барах,
В ожиданьи вечной тьмы,
Алкоголя хладным жаром
И тоской озарены.

Им коктейль Кровавой Мери
Мери делает сама
Из неверья и лжеверья,
Безрассудства и ума.

Звуки медленно клевещут
На любовь и на добро,
Расщепляются все вещи
На последнее ядро.

И висит на стенах липкий
Полушопот, полукрик.
«Все спокойно, как на Шипке»,
И торчит из снега штык.

МЕТЕЛЬ

Все рассужденья мира шатки,
Святую истину люби!
В пургу доверь своей лошадке,
Ее вожжой не тереби.

Ей созерцанья невозбранны
И зрима в мире тишина.
Сквозь все метели и бураны
Придет на тихий двор она.

РУССКАЯ ЛЮБОВЬ

Мы с Россией встретились недавно,
С той живой Россией из России.
Разговор вели мы с нею главный,
Но слова я говорил простые.

И меня Россия целовала,
Предо мной ломала все преграды.
Я любовь России знал так мало,
Полюбить меня ей было надо.

Я ничто. Но огненное Слово,
Зажигая речь мою простую,
Все идет, идет к России снова.
В этом Слове я ее целую.

СОЛЖЕНИЦЫНСКАЯ РОССИЯ

I

Входит совесть конницей,
На конях тяжелых,
И бредет бессонница
В города и села.

Все поет и кается
Дух великороссья,
Правдой проливается
Из тугих колосьев.

II

Мы любви посредники
Меж ночью и днем,
С долгим днем собеседники,
С днем и с огнем.

Все, что в мире случается
И может случиться,
Лишь нам доверяется,
Лишь нас боится.

И нам улыбаются
Ночей просветы:
«Жизнь поручается
Одним поэтам».

III

Пострадать от мелкотемья
В наше время мудрено.
Бродит где то в отдаленьи
Древней мудрости вино.

Косолапые медведи
Не пускают в небо нас,
Но все падают созвездья
В наш российский тарантас.

Мы говорим и плачем, и поем,
Чтобы каждый стих на землю лег зерном.

КРИТ

Он долго видел древнюю беду,
Начертанную людям на роду.
Теперь беда проходит стороной
Невидною тропинкою земной.
И медлит над сиренью облаков
Его небес прощающий покров.

ВЕСНА В ЗВЕЗДАХ

Мы этих звезд над миром не заметим,
Когда придет конец земным тревогам.
Песок для игр небесных данный детям
Он был для нас и счастьем и дорогой.

Невыразимо наше упованье.
Придет весна и в звездные стихии,
Ненужные растают расстоянья
И непонятности сгорят земные.

WOLFGANGSEE. МАРТ

Здесь паруса среди холодных вод
И снежных гор еще не отогрелись.
Их обступают, их целуют ели
И ветер им весну свою несет.

Весна уже идет на горы эти
И воды умножают синий свет,
Но паруса, еще слепые дети,
Со мной стоят в недвижных водах лет.

НЕНАСТЬЕ

Клены поздние дождем дымились,
Под ветрами прядала трава;
Словно человека в ней убили
И его скатилась голова,
Голова ненастная, земная
Покатилась в шелесте глухом,
Брызгами дороги окропляя,
Шевеля дорожным лопухом.

НОЧНАЯ ЗАПИСКА

Не кажется ль тебе, что жизнь прошла
И что то сокровенное настало,
Чему не подберешь еще слова.
На всем лежит ночное покрывало,
На всем еще предутренняя мгла
И сокровенности в сердцах так мало,
И мы над одиночеством своим
Еще так много в мире говорим.

УПРЕК ПОЭЗИИ

Г. Адамовичу

Поэзия, не ты ль всему виной?
Тебя зовет и судит голос мой.
В земную немоту изнеможенья
Ты посылаешь тень стихотворенья,
Она мелькнет и взор вещей погас,
И долго ты не навещаешь нас,
Всю эту землю странную, больную,
Как будто бы стыдясь, иль негодуя.

ВОСПОМИНАНИЯ Н. МАНДЕЛЬШТАМ

Как медведь в спячке зимней
Я лежу под сугробом
И за сумраком синим
Все мне кажется гробом.

И не хочется трогать
Дружбы прошлой и нежной,
Что проходит дорогой ·
Над берлогою снежной.

Мы безумно молимся подчас
И хотим того, чего нельзя нам.
И душа идет у нас туманом,
Вера есть, а света нет у нас.

Ночь цветет последними огнями,
Утаясь меж бдением и сном.
Подари нам, Боже, это пламя,
Огненный язык в саду ночном.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Он бросает в огонь и воду,
Демон утренний, полунощный,
И в пустыне, и средь народа,
И нечаянно, и нарочно.

Не гоняйся за славой едкой,
За недоброй и скучной силой,
Не для этого мать носила,
Отпустила из темной клетки.

Не встречайся с улыбкой странной
И слезою неверной, странник.
Безнаказанно, постоянно
Мир наказывает незнанье.

Проходи все снова и снова,
В мире негде остановиться.
Над дорогой, где вьются птицы,
Ничего еще не готово.

НЕЗАБВЕНИЕ

Мимолетности не прощают,
Бедной временности своей.
Никогда не запоминают
Желтых трав и голых ветвей.

Только ласточки дуновенье,
Реку тронувшее крыло
В удивление и нетленье
Незабвение унесло.

И звезда у пруда ночного
Отражениями огня
Говорит мне вечное слово
Доходящее до меня.

РУКА ЧЕЛОВЕКА

Почему мы все живем так сонно,
Словно тайны нет у нас, людей.
Погляди же ты в свою бездонность,
В тайну тихую руки своей.

Наши руки — медленная тайна,
Долгая улыбка и слеза.
В них любовь раскинула бескрайно
Удивленные свои глаза.

Сотворенная уже для рая,
Каждая рука живет крылом.
Оттого их в мире распинают
И в холодный гроб кладут потом.

Все идут века, тысячелетья,
В бедных спорах о добре и зле.
Но никто еще не мог заметить
Руку человека на земле.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ СЧАСТЬЯ

Правой рукой крещу левую,
Левой — благословляю правую.
Расцвети земля силой хлебною,
Не отравами, а травами.
Открывайся счастье не мерою,
Вечностию, не забавою, —
Я крещу тебя, счастье, верою,
Левой рукою и правою.

ПЕСНЬ О НЕПОВТОРИМОСТИ

Каждый день — подарок Божий,
На вчерашний не похожий.
Каждый новый стих творимый
В вечности неповторимый,

Как и утра белый дым
В вечности неповторим.

ВОССТАНОВЛЕННЫЙ МЮНХЕН

Эти церкви, словно люди,
Угрожающе прямы,
Как спасенье от орудий,
Возникающих из тьмы.

Но все тише голос клира
И молчат о древнем зле
Эти мученицы мира
Вновь зачатые в земле.

ЛУНА

Мы занялись луной. Как детям в доме,
Чтоб не мешали взрослым, не дрались,
Дают играть, так нам открылась высь.
Луна дана, чтоб стали мы бездомней.

ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

I. ЩЕНКИ

Щенки слепые ползают в корзине,
Им хочется куда-то уползти.
Но так темно значение уйти;
И жалко ползают они доныне,
Корзины малой нет уже давно,
А есть большое в целый мир окно.

II. БАЛЛАДА О ТРУДНОСТИ ДРУЖБЫ

В счастье друзей не надо,
В счастье мы сами — счастье.
В боли надо участье
Мужа, друга и сада.

Все это очень ясно,
Вывод отсюда скромный, —
Другу нужен бездомный,
Друга ищет несчастный.

Ну, а все-таки, если
Мы гуляем свободно,
Не катаемся в кресле
И совсем не голодны,

Землю имеем, службу,
Даже поем в эфире, —
Как же найти нам дружбу
Настоящую в мире?

III. ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ

Все Архипы и Онисимы
Друг от друга так зависимы!
И Фаддеи и Иваны
Помогать друг другу званы,
Чтобы сделались хитры
Еремеи и Петры.
Кто ударит в бок Семена,
Тот поранит Агафона.
Кто Андрея не почтит,
Ерофею досадит.
Человечества сыны
В тесный круг заключены —
Мудрецам на поученье,
А глупцам на разоренье.

IV. НЕДРУГУ О БУДУЩЕМ ПОРЯДКЕ

Законы естества преодолев,
Ложится тихо пред ягненком лев.
И, материнство в жале затая,
Встает на хвост пред кроликом змея.
Таков порядок будущий земной,
Который надо нам любить с тобой.

V. ЗЕЛЕНЫЕ ЛЬДИНКИ. ТИГРЕНОК

Так вот, а не иначе
Жизнь я твою толкую —
Льдинки, глаза кошачьи
Смотрят словно вслепую.

Только совсем недавно
Ты увидал участье,
В белой тарелке славной
Образ бедного счастья.

Небо наше в слезинках,
Мир, это сны, да игры.
Мир — зеленые льдинки
В бедных глазах у тигров.

НАДЕЖДА

Негрозящею, тихой силою,
Отошедшей в любовь и труд,
Дни земные, бессоннокрылые,
Нас к надежде своей зовут.
А надежда идет и ластится,
Раскрывается до гола
И снимает земные платьица,
Обнажая свои крыла.
Мудрецом ли, простым невеждою,
Человек посреди реки
Все спасается лишь надеждою,
Всем спасениям вопреки.

ВЕЧЕРНИЙ ПСАЛОМ

Чего б ни коснулся я,
Неба касаюсь всегда.
Беру ли я города,
Берет ли меня земля,

Всюду все та же страна
В звездной дымится пыли.
И ночь ее все одна,
Последняя ночь земли.

ПОСЛЕДНИЙ ШОФЕР

Увозит бренные останки
На кладбище седой шофер.
И на земные полустанки
Он взор испуганно простер.

И слышит — сердце где то бьется
И остается сердце мной,
Когда меня не остается
На этой малости земной.

Он понял вдруг, шофер ненужный,
Сопровождающий тела,
Холодных далей ветер вьюжный
И тайну теплого крыла.

ДАВИД

Земля входила в звездное теченье,
Не понимая, что велит ей Бог.
И вдруг запел земле Давид пророк
О безначальном Божьем дуновеньи.

И все поет в веках сердцам простым,
Что никому из них не одиноко —
Над каждым человеком звездный дым,
Над звездами Недремлющее Око.

ГОРНЫЕ РОЗЫ

Есть много знаков у кустов Синая,
Ожегов и окалин бытия.
И поднимается душа моя,
Еще огня последнего не зная.

Все ближе синева, трудней дыханье,
Последний воздух берегут уста
И тает утомительное знанье
Пред розами горящего Куста.

БЕГСТВО ОТ ЧУДА

Я грешен тем, что чуда не хотел
И уходил в поэзию от чуда.
Но только чудом я дышал и пел,
И чудо все стекалось отовсюду.

Сбегало чудо в мир со всех концов,
Со всех страниц, из всех тысячелетий.
Мне открывалось чистое лицо
Любви. И чудо завершалось этим.

ЕЩЕ НОЧЬ

«Сторож! сколько ночи? Сторож отвечает: приближается утро, но еще ночь».

Исайя 21.

Уходит солнце мира, пламень пленный,
И наступает время долгих снов.
О дружественности несовершенной,
Неутолимый и неясный зов.

Медлительная ночь идет над всеми
Ресницы мира опуская в сон.
И длятся сновидения. И время
Все сторожит уставших от времен.

ПОЭМА О ПЛОХИХ ЛЮДЯХ

Солнце клонилось к закату
Над Иерусалимом.
Толпа людей вела женщину,
Глухо волнуясь.
Люди шли ко Христу.
«Учитель!
Эта женщина
Взята в прелюбодеянии,
А Моисей
В Законе
Заповедал нам
Побивать таких камнями, —
Что скажешь Ты?»
Христос, наклонившись низко,
Писал на песке
О грехах людей.
И, подняв голову,
Он сказал:
«Кто из вас без греха,
Первый брось в нее камень»...

Услышав это,
Люди начали уходить
Один за другим.
И тихо все ушли.
Остался Иисус один
И женщина стояла перед Ним.
Он сказал ей:
«И Я не осуждаю тебя,
Иди и впредь не греши»...
Оставим все,
Будем думать о грешниках.
Грешники,
Это очень старое слово
И удивительное.
Грешники думают,
Что они праведники
(А праведники знают,
Что они грешники).
Но, когда Христос
Говорит Свое слово,
Пробуждается совесть
В людях,
И они не знают, что сказать;
Они чувствуют правду о себе
И перестают судить других.
Так было в Иерусалиме
Этим вечером,
Когда приведена была грешница
К Сыну Человеческому.

Как мало людей
Отвергает грех
Из любви к Богу,
Как мало жаждущих Бога,
Предчувствующих Рай.
Свет идет
От евангельских грешников.
Смотрите на них.
На этого Блудного Сына,
Который ушел из дома
И, скитаясь, обнищал.
И вспомнил тогда об отце,
И вернулся к отцу.
Отец принял его,
Обнял и целовал.
Чему же тут быть,
Кроме радости?
Этот грешный сын
Удивляет нас
Чистотой своей человечности:
«Отец, я недостоин
Называться Твоим сыном!
Прими меня, как одного
Из наемников Твоих».
А вот Анания и Сапфира,
Солгавшие Духу Святому,
Внезапно они умирают
От своего греха.

«Они утаили
Часть своего имения», —
Обещали Богу отдать все,
А отдали только часть.
А разве мы,
Пастыри и христиане,
Всю свою жизнь
Отдаем Христу?
Не малую ли ее часть?
А эти, мытари,
Которых гнушался народ,
Не дети ли они,
По сравнению с нами?
Кто имеет силу
Шептать молитву мытаря:
«Боже милостив будь
ко мне грешному»!?
Не других ли всех
Мы считаем фарисеями,
И только себя
Благополучными мытарями.
А этот горделиво
Молящийся Богу фарисей?
Как ребячливы его слова,
По сравнению с нашей
саморекламой.
А разбойник Варавва,
Вспоминаемый человечеством;

Сравним его вину,
С продуманным техническим
Убиением в наши дни
Множества людей
В лагерях и застенках,
Ради партийной победы,
Государственной пользы,
Классовой ненависти,
«Счастья будущих поколений»...
Посмотрите на малого Закхея,
Плохого человека,
Грешника евангельского,
Как устремляется он ко Христу
И взбирается на дерево.
Закхей, кого ты ищешь?
«Господа я ищу».
Радуется он,
Что увидит Спасителя.
Евангелие нас учит
Образами своих праведников
И сиянием своих грешников,
Чутких ко греху,
Благодарных за все.
Эти плохие люди
Несут драгоценное миро
К Телу Иисусову
И плачут после своего
отречения,

И останавливаются
По дороге в Дамаск,
Пораженные небесным
видением.
Осуждая только себя,
Они просят «помянуть их»...
Где наше миро,
Где наши слезы,
Где сердце, обличающее нас?
Мы предаемся пустым
Тщеславным словам
И строим
Дом своей жизни
На песках
И вязких болотах,
И забываем
Кроткую истину.
Мы не раскаиваемся,
Как Петр,
И не отдаем
«пол имения нищим»,
Как Закхей,
От одного взгляда Иисусова.
Если бы мы могли
Только з а б ы т ь свой елей,
Как Неразумные Девы,
Или только з а к о п а т ь
Данный нам талант
В печальную землю.

Если бы мы могли
Только благодушно испытывать
Своих медленных волов, —
Но мы участвуем
Во всей бесчеловечности
истории,
Прикрываясь заботой
О людях и народах.
Господи Милостивый,
Мы ушли
Не только от Тебя
Но и от грешников Твоих,
От праведных
Твоих грешников,
Удивляющих нас
Чистой Твоей человечностью.
Ты говоришь нам,
Что и мы можем стать
Такими же грешниками,
Если для нас невозможна
Большая любовь к Богу
Под этими тихими звездами
Незаходящего бытия.

МОЛЧАНИЕ КРЕСТА

«...И они вступили в пустыню... Пришли в Мерру и не могли пить воды в Мерре, ибо она была горька почему и наречено тому месту имя Мерра (Горечь)... Моисей возопил к Господу и Господь показал ему дерево и он бросил его в воду, и вода сделалась сладкою».

Исход 15.

Крест — глубина
Божьей любви.
Крест — широта
Нашей неверности ей.
Крест, — образ того,
Что истина
Не отреклась от нас,
Но мы живем
В ее садах.

Бог принял человека,
Солнце впитало нашу тьму
И Слово стало молчанием.

Бог молчит,
Когда человек совершает грех.
Бог молчит,
Когда человек убивает человека.
Истина Божия
Показала весь путь,
Сказала все слова.
И мы теперь живем
В молчании Креста.

Людям открылась Любовь,
И в этой любви
Пламя сильное.

Дерево Жизни растет
Среди лукавств человеческих.
Сладкой делаются
Воды мира,
Когда касается их
Чудо Креста,
Все претворяющее в истину.

Божественная печать
Вечной жизни!
Тобою мы утверждаем
И собираем все
В дальнюю дорогу вечности.

«Будьте совершенны
Как Отец ваш Небесный
Совершен есть».
Ты этого хочешь.
А мы все препираемся
О вещах земли:
«Это мое!»
«Нет, это мое».
И твердим — м о е . . .

Но все — Твое, Господи,
И ничего нашего нет,
Кроме смерти.

И зло наше принадлежит нам.
А все иное Твое,
И небо Твое,
И звезды,
И земля с ее травами,
С шиповником нежно цветущим.

Все Твое, Господи,
И мы — Твои.
Ты дал нам жизнь.
Люди, ваша земля,
Ваша трава,
И небо.

Только зло свое
Мне отдайте,
А земле радуйтесь
И небом насыщайтесь.
Жизнь вам дается
В молчании Креста.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

ТОГО ЖЕ АВТОРА

«Странствия» /Лирический Дневник/, Нью Иорк, 1960 г.
«Книга Лирики». Париж, 1966 г.
«Упразднение Месяца. Лирическая Поэма». Издание «Нового Журнала», Нью Иорк, 1968 г.
«Нескучный Сад», Калифорния, 1970 г.

STRANNIK. 2040 Anza St.
SAN FRANCISCO, California, 94118
U. S. A.

Printed in Spain

Depósito legal: M. 9.767 - 1971

Talleres Gráficos de EDICIONES CASTILLA, S. A. - Maestro Alonso, 21. Madrid